

Марксистская утопия

1953, Источник: «Дело труда - Пробуждение». 1953. Май - сентябрь. №42. С.7-9

Из области мечтаний и теоретической пропаганды осуществление социалистического идеала продвинулось к нам и стало ближайшей жизненной задачей. И если важно разобраться в вопросе о том, какие пути ведут прямее к цели и как лучше обеспечить победу, то еще важнее заняться тем, что делать после победы, чтобы результаты революции оказались наиболее прочными, а главное — чтобы они действительно повели за собою увеличение благосостояния и счастья людей.

В настоящую минуту большинство социалистов (под этим названием я понимаю, как социалистов-государственников всех толков, так и анархистов) довольствуются в этом отношении провозглашением лозунга “диктатуры пролетариата”, рассчитывая, что остальное – само приложится. Им кажется, будто бы он означает, что общественную жизнь управляют рабочие, что они становятся сами строителями своих судеб, что при “диктатуре пролетариата” над ними нет больше эксплуататоров труда, ни вообще господ.

Самые слова “диктатура пролетариата” заключают в себе неясность: диктатура всегда – неограниченная власть одного или немногих; как же можно представить себе диктатуру целого класса? Только одним образом: класс управляет в лице своих представителей; господствует, собственно, не он, а некто от его имени говорящий, или избранный им, или просто считающий себя вправе действовать именем рабочих. Словом, во главе общества становится после революции новая власть – власть социалистической партии или одной какой-нибудь ее фракции, наиболее влиятельной – и эта власть берет на себя устройство судеб рабочего класса. Та часть пролетариата, которая сочувствует правящей партии, пользуется привилегиями – политическими и экономическими; вся же остальная масса не только не влияет на ход вещей, но и подвергается всяким стеснениям своей свободы и самостоятельности. В этом отношении “диктатура пролетариата” – такая же фикция, как “власть народа” в современном демократическом государстве. И все то, что можно сказать в смысле критики представительной системы правления, власти большинства, парламентского строя и т. д., в такой же мере приложимо и к так называемой пролетарской диктатуре. Поэтому-то так странно слышать нападки на демократический режим в Западной Европе и Америке со стороны тех, кто в свой политической идеал вводит решительно все те же самые недостатки – с прибавлением еще некоторых других, от которых западноевропейским рабочим ценою долгой борьбы удалось избавиться.

Откуда же взялось это понятие “диктатура пролетариата”? Понятие это – старое, и более всего ошибочно было бы думать, будто бы оно родилось из жизни, из опыта русской революции: оно – происхождения чисто книжного и вытекает исключительно из марксистской теории в том виде, как она была провозглашена еще в 40-х годах XIX века.

В основе понимания истории человечества, с точки зрения марксизма, лежит, как известно, мысль, что вся история представляет собою борьбу различных классов, сменяющих друг друга и оспаривающих друг у друга господство в обществе; смена же эта происходит в силу того, что совершенствуется техника и растут производительные силы общества, и каждому моменту этого развития соответствуют свои классы. Например, когда общество живет главным образом земледелием, а промышленность и торговля мало развиты, господствует класс крупных помещиков, а под ним находится класс крепостных крестьян. Позднее, развивается городская промышленность, тогда рождается класс буржуазии и эксплуатируемый ею класс наемных рабочих. И в каждую эпоху политическая власть находится в руках того класса, который господствует экономически; таким образом, буржуазия руководит теперь всею политическою жизнью Европы и Америки. Но вот на смену буржуазии является пролетариат; в его руки переходит, следовательно, и политическая власть; с этого момента государство служит интересам нового господствующего класса, заботится о нем. Это господство и есть диктатура пролетариата. На это теоретическое построение сейчас же можно возразить: как может победа пролетариата считаться сменой господствующего класса? Над кем же он будет господствовать? Ведь революция возвысила самый униженный, эксплуатируемый класс и, следовательно, уничтожила всякое классовое господство? На это у марксистов есть два ответа: один принципиальный, другой жизненный. Принципиальный ответ: да, классы уничтожаются с победою пролетариата, а так как государство всегда – выразитель господствующего класса, то и государство само собою уничтожается; будущее, следовательно, принадлежит анархическому обществу. Однако как же согласовать это с практикою социал-демократии всех стран, а особенно большевизма в России? Тут является второй – и противоположный – практический ответ. Вытекает он из того, как марксисты представляют себе социалистический переворот.

Марксистская литература не богата описаниями перспектив будущего: слишком велика в ней для этого боязнь утопий. Но из того, что мы знаем, достаточно видно, что осуществление социализма предполагается растянутым на целый исторический период. В этот период классы еще продолжают существовать; существует и капиталистическая эксплуатация, но она смягчается и ослабляется в пользу пролетариата. Правительство покровительствует ему и делает положение буржуазии все более и более затруднительным; промышленность все более и более национализируется, переходит в руки государства. Это – как раз то, что Ленин в России называл “государственным капитализмом”, необходимым для “промежуточного периода”. На заре марксизма, в “Коммунистическом манифесте”, Маркс и Энгельс наметали ряд мер, которые должно в этот период принять государство; а 50 лет спустя Каутский в своей “Социальной Революции” точно также изложил программу мероприятий, вроде прогрессивного налога на крупные доходы и состояния, мер против безработицы, национализации крупной земельной собственности и т. д. – словом, программу, не имеющую в себе, собственно, ничего социалистического и очень похожую на современные программы-минимум социал-демократических и даже просто радикальных партий.

“Диктатура пролетариата” это – политический режим того “переходного” периода, когда социализма еще нет; когда же он наступит, говорят нам марксисты, то его политическою формою будет безгосударственность. Очень приятно слышать, конечно, но и очень

невероятно; мало того – совершенно невозможно, если будущее будет таким, какое готовят марксисты. Они оправдывают деспотизм государственной власти тем, что капитализм еще не совсем уничтожен, и обещают свободу тогда, когда у социализма не будет больше врагов. Но что это значит? Ведь врагами социализма господствующая партия считает не только действительных сторонников капиталистического строя, но и всех социалистов иного направления, чем она; с этой точки зрения для полного торжества социализма, – в России, скажем, – нужно поголовное уничтожение, помимо всех буржуазно-мыслящих людей, еще и всех меньшевиков, эсэров, анархистов, синдикалистов, какой-нибудь оппозиции в среде самой коммунистической партии, затем всех недовольных жителей городов и деревень. В результате этой небывалой чистки страна явится в таком виде: кучка правительственных лиц, а под нею безгласная запуганная масса. И вот этот-то момент и будет избран для уничтожения государства! Впервые, кто его уничтожит? Никогда еще ни одно правительство не отказывалось от власти иначе, как под давлением: власть всегда ограничивали или революции, или страх перед ними; когда же бывало, чтобы правительство, достигшее максимума могущества, политического и экономического, пользующееся такою властью, о которой не мечтали никакие деспоты (полное отсутствие оппозиции!), вдруг добровольно отказалось от всего этого? Очевидно, это – невозможно. Полная свобода сразу после полного рабства вообще – переход, который трудно себе представить, но даже, если его допустить, то для этого необходимо восстание, политическая революция. Но этого марксистская теория не допускает: такой революции, говорят они, не может быть там, где нет классов, а что государство-собственник есть не что иное, как такой же господствующий класс над наемниками пролетариями, – с этим марксисты, конечно, не согласятся. Словом, пресловутый “скачок из царства необходимости в царство свободы” представить себе нельзя; он – не что иное, как приманка, нечто вроде рая и блаженства в загробной жизни.

В действительности, расширение государственных функций во время так называемого промежуточного периода ни к чему, кроме отмирания всякой общественной самостоятельности, привести не может; следовательно, чем дольше он длится, тем меньше вероятность осуществления идеала свободного общежития. Почему в ежедневной жизни, если человек хочет идти в одну сторону, он никогда не начинает с того, что идет в обратную, а в политике это кажется возможным и даже естественным? Вероятно потому, что мы верим словам, не вдумываясь в их реальное содержание, а еще потому, что такое туманное понятие, как “промежуточный период”, избавляет ленивую человеческую мысль от необходимости искания новых, не рутинных путей.

На пути к нашему идеалу будут, конечно, периоды, которые можно назвать переходными, но, во-первых, они должны каждый раз прибавлять что-нибудь к достигнутой обществом степени равенства и свободы, а не убавлять; во-вторых, в нашей деятельности мы должны иметь в виду не их, а нашу конечную цель. Чем с большею настойчивостью мы будем стремиться к ней, тем большая доля наших идей претворится в жизнь и тем короче будут всякие переходные периоды.